

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРАВА В ПОНИМАЮЩЕЙ СОЦИОЛОГИИ М. ВЕБЕРА

В статье рассматриваются методологические основания изучения права М. Вебером, в контексте положений его понимающей социологии. Показывается веберовская специфика социологического подхода в познании правовых феноменов в отличие от правопознания в юриспруденции и раскрываются основные положения правопонимания немецкого ученого.

Социология права – одна из отраслей современной социологической науки, имеющая свою историю возникновения и развития. Так, например, в дореволюционной России в социальных науках и юриспруденции существовала мощная волна социологического подхода в изучении права. В связи с этим известный русский социолог Н.И. Кареев ввел в научную лексикону термин «юристы-социологи». К ним, в частности, относились С.М. Муромцев, М.М. Ковалевский, Н.М. Коркунов, Н.А. Гредескул, Л.И. Петражицкий, Б.А. Кистяковский [5, с. 103-150]. Тем не менее, вопросы о ее предметной специфике, месте в социологии и наук, изучающих право до сих пор остаются дискуссионными в научной литературе.

М. Вебер – признанный классик социологии права, наряду с Э. Дюркгеймом, Г. Гурвичем, Н. Тимашевым. Он одним из первых стал употреблять термин «социология права» [2, с. 596, 642], а Т. Парсонс, относящийся к числу крупнейших представителей социологической науки за всю ее историю отмечал, что «сердцевина веберовской социологии заключается ни в его изучении экономических и политических проблем, ни в его социологии религии, а в его социологии права» [7; Р. 40].

Почитание заслуг великого немецкого социолога порой превосходит знание и понимание его идей. Пожалуй, именно такое положение сложилось в отечественной социологической науке с веберовской социологией права. В научных публикациях принято упоминать, что М. Вебер внес свою достойную лепту в становлении этой отрасли знания. Но при этом аналитический обзор его правовой социологии попросту отсутствует.

Главные положения социологии права М. Вебера содержатся в его работе «Хозяйство и общество» (*Wirtschaft und Gesellschaft*, 1922). Веберовская методология характеризуется многогранностью аспектов в изучении права. В этой статье раскрывается только одна из сторон этой методологии. Право здесь рассматривается в

контексте общих положений понимающей социологии М. Вебера.

Своеобразие социологического подхода в изучении права, прежде всего, определяется тем, что социология, по мнению М. Вебера, является эмпирической наукой, отличающейся от догматических научных дисциплин, например, таких как математика, логика, нормативная этика, право [2, с. 7-17]. Он в работе «Смысл» свободы от оценки «в социологической и экономической науке» подчеркивал, что когда нормативно значимое в догматическом знании становится объектом эмпирического исследования, оно в качестве объекта лишается своего нормативного содержания и рассматривается как сущее, а не как объективно-правильное значение [2, С. 590]. Превращение нормативно значимых истин в значимые конвенциональные мнения, когда они становятся объектом рефлексии, рассматривающей их под углом зрения их эмпирического бытия, а не нормативно правильного смысла, существует независимо оттого, что нормативная значимость истин догматического знания является вместе с тем априорной данностью эмпирических наук [2, С. 591]. Поскольку социология не представляет собой нормативно-догматическую науку, а выступает одной из эмпирических областей знания, рассматривающей поведение индивидов, постольку социология имеет свое специфическое видение как социального мира, так и свое, отличное от юриспруденции, понимание права.

М. Вебер произвел интерпретацию права в терминах социологии и сделал это сознательно и целенаправленно. Он писал: «Когда речь идет о праве, правопорядке, правовых нормах, необходимо особенно строго соблюдать различия между юридическим и социологическим способом рассмотрения. В первом случае ставится вопрос, – каким должен быть идеал права? То есть имеется в виду, – какое значение, или, иначе, – какой нормативный смысл логически непротиворечиво должен содержаться в языковых формулировках, выступающих в качестве пра-

вовой нормы? Во втором случае, напротив, вопрос заключается в следующем: что фактически происходит внутри сообщества ввиду возможности того, что люди, участвующие в деятельности сообщества, и среди них в особенности те, кому принадлежит социально значимая мера фактического влияния на деятельность сообщества, исходя из своих субъективных убеждений, считают определенные порядки и нормы общезначимыми и практически осуществляют их, то есть руководствуются ими в своих действиях» [8; S. 368].

Приведенный фрагмент позволяет зафиксировать, что различие юридического и социологического способов рассмотрения обусловлено несхожестью между его нормативной/догматической и эмпирической интерпретацией. С позиций понимающей социологии М. Вебер рассматривал *право через призму субъективных смыслов отдельных индивидов*, в отличие от юридического подхода, ориентированного на выяснение объективного смысла права (например, идеи права).

К. Манхейм *веберовскую методологию познания права назвал способом, когда нормативно-объективный характер права, имманентно присущий юридическому рассмотрению «берется в скобки»* [6, С. 258]. Право, взятое в своем нормативном значении в скобки, приобретает эмпирическое содержание и получает значение в том, что оно 1) становится субъективно понимаемым смыслом, 2) в сознании множества отдельных индивидов, 3) способно проявляться как побуждающий к действию мотив, поскольку для каждого из индивидов, составляющих сообщество, существует возможность того, что и другие члены общественной ассоциации будут в своих действиях ориентироваться в соответствии именно с этим субъективным смыслом. С юридически-догматической точки зрения право раскрывается: 1) в объективном (идеальном) смысле, который 2) обращается на субъект права, 3) реализующий его, причем 4) правильным юридическим способом [6, С. 258].

Веберовские методологические основания социологии права можно уточнить посредством понятия «социального действия» как ключевого понятия его социологии, раскрывающееся через субъективный смысл действия и его ориентацию на другого (других).

Субъективный смысл как аспект социального действия задает методологию номинализма в социологическом познании социальной

реальности и права. Например, в юриспруденции товарищество, акционерное общество, учреждение рассматриваются в качестве юридического лица, а их правовое исследование направлено на выяснение объективного смысла законодательных актов, регулирующих их деятельность [2, С. 507]. Социология же, в той мере в какой право попадает в орбиту ее исследования, не занимается выявлением верного содержания тех или иных правовых положений, содержащихся в нормативных актах, а действиями, в качестве детерминантов и результатов которых могут, конечно, играть значительную роль, наряду с другими факторами «представления людей о «смысле» и «значимости» определенных правовых положений» [2, С. 508]. Современный немецкий социолог Х. Абельс, говоря о субъективном смысле социального действия, отмечает: «Следует иметь в виду, что подразумеваемый смысл социального действия уже вносит в социальную реальность определенную упорядоченность. Поэтому в социальных действиях людей проявляются взаимно согласованные попытки упорядочения социальной реальности» [1, С. 114].

Социологическое понятие «ориентация на других», как отмечается в литературе, имеет юридическое происхождение и представляет интерпретацию юридического термина «признание» [4, С. 201]. В социологии права М. Вебера понятие «ориентация на другого» имеет следующее значение. Во-первых, использование этого понятия является способом найти в рамках методологического индивидуализма нечто общее, принять во внимание субстанцию социального, без которой социальное действие остается моделью социальной робинзоны [4, С. 201]. Во-вторых, в социальном поведении индивидов обнаруживается фактическое единообразие, то есть последовательность действий с типически идеально предполагаемым смыслом, повторяемых многими (некоторыми) индивидами [2, С. 633]. Всякое же смысловое содержание, конституирующее социальные отношения на длительное время, образуется на определенных максимумах, «следование которым, усредненного или приближенного по своему смыслу, стороны ждут от своих партнеров, и на которое они в свою очередь (усредненно или приближенно) ориентируют свое поведение» [2, С. 633]. В результате таких продолжительных, ориентированных на максимы действий индивидов в обществе, устанавливается социальный и правовой порядок.

Выделенные М. Вебером различия между юридическим и социологическим подходами изучения права позволили ему ввести в свою социологию права исключительно важное с методологической и содержательной точек зрения понятие «эмпирической значимости правового положения (порядка)» [2, С. 508]. Под ним он подразумевал факт, что «господствующее в умах ряда людей эмпирически определенные представления о «смысле», считающегося значимым «правового положения», могут привести в известных условиях к рациональной ориентации поведения на какие-либо «ожидания» и, следовательно, представить конкретным индивидам определенные «шансы» [2, С. 508].

В определении эмпирической значимости правового порядка примечательным является использование термина «шанс», позволяющего уточнить содержание, вкладываемое в понятие «субъективный смысл права (правовых установлений)». В рассматриваемом контексте субъективный смысл права есть шанс, в той или иной мере значимый в жизни индивида. То есть в субъективном смысле право рассматривается в некоторой значимой для индивида системе координат: повышаются или понижаются или остаются неизменными шансы индивида в деле реализации его жизненных планов при условии его ориентации на установленный правовой порядок. Шанс – это не просто абстрактная идеальная конструкция, представление о соотношении желательного и возможного, он имеет практический смысл в жизни людей, так как значимым образом влияет на их мотивацию. Мотивом М. Вебер называл «некоторое смысловое единство, представляющееся действующему лицу или наблюдателю достаточной причиной для определенного действия» [2, С. 611].

Интерпретация права в концептуальных рамках понимающей социологии позволила М. Веберу провести принципиальное для его социологии права методологическое положение о различии между эмпирической и нормативной значимостью порядка [2, С. 638].

С юридико-правовой точки зрения нормативный юридический порядок значим сам по себе, безотносительно к каким-либо факторам, условиям и субъективным смыслам индивидов. Но для социолога, утверждал М. Вебер, изучение нормативно-юридического порядка важно с позиции субъективного признания его значимости индивидами. В связи с этим он писал: «Неизбежная в юридическом мышлении альтерна-

тива, согласно которой правовое положение определенного содержания либо значимо (в юридическом смысле), либо нет, а правовое отношение либо существует, либо нет в социологическом понимании... не присутствует» [2, С. 632].

В социологии, в частности, при объяснении поведения (и правоповедения) необходимо принимать во внимание, что нормативный порядок связан не только с его пониманием профессиональными юристами, но и с представлениями граждан о том, «что отчасти реально существует, отчасти должно было бы обладать значимостью; на эти представления люди ориентируют свое поведение, эти коллективные образования имеют огромное, подчас решающее каузальное значение для поведения людей и в первую очередь – как представления о том, что должно (или не должно) иметь значимость. Современное государство в большей мере функционирует как комплекс специфических совместных действий людей, поскольку конкретные люди ориентируют свои действия на представление, что оно существует или должно существовать, а потому юридически ориентированные установления сохраняют свою значимость» [2, С. 615]. Тот факт, что индивиды в практической жизни ориентируются по своему субъективному смыслу на установленный официальный порядок, отмечал М. Вебер, может означать, что действия индивидов действительно соответствуют нормам-максимумам этого порядка [2, С. 615].

Отметив различие между эмпирической и объективно-нормативной значимостью порядка, М. Вебер представил описание эмпирического порядка как объектно-предметной области его социологии права и показал методологические особенности изучения эмпирического порядка в социологической науке.

Во-первых, обрисовывая эмпирический порядок, немецкий социолог подчеркнул значение шанса на то, что в своих взаимоотношениях индивиды будут следовать принятым в обществе нормативным установлениям. Это, по М. Веберу означает, что в обществе индивиды с достаточной долей вероятности рассчитывают на соответствующее (в среднем) требованиям порядка, юридическим «максимумам» поведение других и сами (в среднем) тоже подчиняют свое поведение подобным ожиданиям, со стороны других [2, С. 514].

Эмпирическая значимость порядка не исчерпывается усредненной обоснованностью ожида-

ний определенного фактического поведения индивидов. Это лишь наиболее рациональный и типологически понятный в социологии смысл эмпирической значимости порядка [2, С. 514]. Во-вторых, М. Вебер, давая характеристику эмпирической значимости порядка, отмечал, что известные многочисленным единообразиям в экономическом поведении людей объясняются отнюдь не только их ориентацией на юридические нормы, но также и тем, что данные взаимоориентированные действия отвечают их собственным *интересам* [2, С. 634-635]. Значимость (субъективно-рациональная) эмпирического порядка в данном случае формируется как процесс и результат ориентации в своем поведении индивидов, действующих в условиях рыночных отношений, на собственные хозяйственные *интересы-цели* и на типичные ожидания предполагаемого поведения других в качестве условия для достижения этой цели. М. Вебер писал: «По мере того как они действуют таким образом – чем более целерационально их поведение, тем более сходны их реакции на данные ситуации, – возникают единообразия, регулятивность и длительность установки и поведения, которые часто обладают значительно большей стабильностью, чем поведение, ориентированное на нормы и обязанности, считающиеся «обязательными» в определенном кругу. Тот факт, что ориентация только на собственные и чужие интересы достигает эффекта, которого обычно пытаются – и очень часто тщетно – добиться с помощью норм, привлек пристальное внимание исследователей, прежде всего в области экономики... Однако значимость указанного явления распространяется и на все остальные сферы человеческого поведения» [2, С. 635].

В-третьих, важный момент веберовского описания эмпирического порядка состоит в том, что поведение индивидов вполне может быть ориентировано на несколько различных систем установлений, которые в смысловом отношении противоречат друг другу, однако сохраняют свою значимость для них. Например, согласно законодательству дуэли категорически запрещены. Между тем в соответствии с принятыми в тех или иных кругах социокультурными условностями дуэль может оказаться неизбежной. «Участвуя в дуэли, – указывает М. Вебер, – индивид ориентирует свое поведение на эти конвенциональные предписания; однако, скрывая свои действия, он ориентируется на требование закона. Следовательно, практическое воздействие эмпирической (то есть здесь и

всегда: в среднем ожидаемой для субъективно осмысленной ориентации поведения) значимости обеих систем установлений в этом случае различно. Между тем обеим системам мы приписываем эмпирическую «значимость», которая состоит в том, что поведение осмысленно ориентируется на их (субъективно постигнутый) смысл и испытывает его влияние» [2, С. 637].

В-четвертых, М. Вебер, раскрывая свое социологическое понимание значимости эмпирического порядка, отмечал, что поскольку значимость правового порядка определяется признанием индивидами норм права и ориентацией на них, то даже если для некоторого числа людей нормы права служат образцом и обязательным условием их жизни, то есть субъективно значимы, то возрастает (причем часто в значительной степени) и вероятность ориентации поведения других людей на данный порядок. [2, С. 637]. Но вместе с тем, несмотря на то, что некоторый объективно-нормативный (официальный юридический) порядок существует, если обход или нарушение в среднем принятого смысла этого порядка превращается в правило, то его значимость ограничивается или даже вообще утрачивается [2, С. 638]. По последнему поводу М. Вебер писал: «Как только все игроки в карты «знают» что принятых правил игры вообще больше никто не придерживается, или как только окажется, что объективно шанса, принимаемого обычно в расчет, не существует, и поэтому и субъективно не принимается больше в расчет шанс на то, что убийца, например, будет интересоваться установленным порядком, который он сознательно нарушает, именно потому, что подобное нарушение не влечет за собой никаких последствий для него, - в таких случаях этот установленный порядок эмпирически больше не существует... Оно сохраняется до той поры – и в той степени, – пока практически релевантном масштабе так или иначе сохраняется в усредненно предполагаемом смысле ориентированное на его установления поведение» [2, С. 513].

В-пятых, М. Вебер, описывая эмпирический порядок, показал, что ориентация на нормативно-легитимный порядок, как бы парадоксально это не выглядело, может существовать даже в тех случаях, когда индивид осознанно его нарушает. Например, «вор, скрывая свой поступок, ориентируется на значимость законов уголовного права. Он вынужден скрывать его именно потому, что в определенной сфере по-

рядок сохраняет свою «значимость» [2, С. 637-638]. Очевидно, отвлекаясь от данного веберовского «криминального» примера, что нарушение правопорядка происходит в многочисленных проступках, правонарушениях, которым, те, кто их совершил, пытаются с большей или меньшей убедительностью придать облик легитимности или скрыть от огласки.

Наконец, в-шестых, М. Вебер, с социологической точки зрения рассматривая эмпирический порядок, отметил, что разные категории людей часто вкладывают отличный друг от друга субъективный смысл в содержание правовых требований-норм. Смысл правовых норм может отличаться даже у тех, для кого право является областью их профессиональной деятельности. Например, возможно различное восприятие закона его разработчиками (законодателями) и правоприменителями. Тем более субъективный смысл закона может быть не одинаков у различных групп «публики», граждан.

Таким образом, М. Вебер, выделив эмпирическую и нормативную значимость порядка, и раскрыв содержание эмпирической значимости порядка, методологически внятно обозначил, что правовая социология при исследовании правовой сферы общества имеет свою собственную познавательную сферу, не тождественную с «нишей» научных интересов юриспруденции. Социологию права при изучении права, прежде всего, интересует: а) субъективный смысл максим права (юридических институций); б) различные аспекты, раскрывающие содержание эмпирической значимости порядка; в) масштаб (распространение) представлений, ориентированных на правовые установления среди различных категорий индивидов; г) возможность и формирование целерационального поведения в сфере правоотношений; в) многообразие форм субъективно значимых ориентаций индивидов в отношении к максимам легального порядка [2, С. 508, 639].

Сказанное позволяет сформулировать выводы по базовым положениям веберовской методологии социологии права, рассмотренной в

свете принципов его понимающей социологии.

Во-первых, социология права М. Вебера зиждется на специфическом понимании социологии эмпирической наукой, использующей отличный от нормативно-догматических наук подход в изучении общества, социальных явлений, включая право.

Во-вторых, в рамках веберовской методологии правовой социологии право приобретает специфическое, несхожее с его пониманием в юриспруденции, значение. Оно предстает субъективно понимаемым смыслом в сознании множества отдельных людей, способным проявить себя в качестве мотива, побуждающего к действиям, поскольку для каждого из индивидов, составляющих сообщество, существует возможность того, что и остальные члены общественной ассоциации будут ориентироваться в своих действиях в соответствии с этим субъективным смыслом.

В-третьих, в веберовской методологии социологии права сформулированы понятия эмпирической и нормативной значимости порядка, позволившие очертить круг ее познавательных интересов и раскрыть с позиции социологической науки содержание эмпирического порядка.

В социологии эмпирический порядок означает не совокупность, перечень правовых норм или актов, понимаемых в логико-юридическом смысле плане истинными, а субъективно значимый смысл, проявляющийся в деятельности индивидов, выражающийся в осознании ими шансов в достижении их личностных целей в социуме, с учетом существующих в нем юридических установлений, максим правопорядка.

Социальный порядок, по М. Веберу, – это противоречивое общественное состояние, включающее и нормативный и эмпирический порядки. С одной стороны, социальный порядок предстает для отдельных индивидов как само собой разумеющееся и обязательное общественное положение вещей, с другой стороны, он есть результат их индивидуальной жизнедеятельности и субъективного понимания ими существующего соционормативного порядка.

Список использованной литературы:

1. Абельс Х. Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию. СПб.: Алетей, 2000.
2. Вебер М. Избранные произведения. М.: Юрист, 1990.
3. Давыдов Ю. Веберовская социология истории // Вебер М. Аграрная история Древнего мира. М.: «Канон-пресс-Ц», «Куликово поле», 2001.
4. История социологии в Западной Европе и США. М.: Норма-Инфра•М, 1999.
5. Кареев Н.И. Основы русской социологии. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 1996.
6. Мангейм К. Избранное: Социология культуры. М.; СПб.: Университетская книга, 2000.
7. Parsons T. Value-freedom and objectivity // Max Weber and Sociology Today. Oxford, 1971. P. 34-51.
8. Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft / Tubingen: C.B. Mohr, 1922.